

Б. Угрюмов, О. Угрюмов

ИСПЫТАНИЕ СОРОКОВЫМИ

*(Колхозы Ленского района Архангельской области
в годы Великой Отечественной войны и послевоенного
восстановления народного хозяйства 1941-1952 гг.)*

Яренск. 2011.

УДК 631.115.6(09)(470.11)

ББК 65.321.8-03

У 27

Угрюмов, Б.

У 27 Испытание сороковыми. Колхозы Ленского района Архангельской области в годы Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления народного хозяйства, 1941-1952 гг. / Б. Угрюмов, О. Угрюмов. – Яренск (Арханг. обл.), 2011. – 100 с.

Агентство СИР Архангельской ОНБ

Научный сотрудник Яренского краеведческого музея Б.А. Угрюмов уже около сорока лет занимается изучением истории крестьянства Вычегодского края, вопросов, связанных с коллективизацией и деятельностью колхозов Ленского района Архангельской области. Этой теме посвящены ряд его книг.

Новая работа, написанная в соавторстве с журналистом О.А. Угрюмовым, посвящена одной из самых трагических страниц в истории колхозов района – годы Великой Отечественной войны и период восстановления народного хозяйства после ее окончания.

Книга написана на основе большого фактического материала, архивных материалов, воспоминаний очевидцев той поры и адресована тем, кому небезразлична история своего края.

УДК 631.115.6(09)(470.11)
ББК 65.321.8-03

© Угрюмов Б., Угрюмов О., 2011

«Выработка трудодней росла повсеместно!..»

ПОДВИГ НАРОДА, выстоявшего в самой страшной войне двадцатого столетия, будет еще долго удивлять и восхищать многие поколения людей. Дань глубочайшего уважения мы отдаем сегодня не только солдату-победителю, прошагавшему долгими дорогами войны, но и тем старикам, женщинам и подросткам, на чью долю выпали тяжелые испытания тыловых буден.

О жизни деревни в военную пору немало рассказывается в произведениях художественной литературы, в кинофильмах. И слова «подвиг», «победители» в полной мере можно отнести к этим людям, потому что через деревни, через колхозные дворы проходила своя линия фронта, фронта трудового, и люди выстояли, сумев накормить и одеть страну в столь тяжелое время.

Война нанесла тяжелейший удар по деревне, чьи вчерашие труженики стали солдатами: численность крестьянского населения страны в первой половине 40-х годов прошлого века уменьшилась на 18%. Сокращение шло, в первую очередь, за счет трудоспособной части населения, которая сократилась за годы войны на 38%. Если к окончанию войны число трудоспособных женщин на колхозный двор по сравнению с ее началом снизилось с 1,9 до 1,2, то мужчин – с 0,9 до 0,24. Говоря иными словами, «...в начале 1945 года один трудоспособный мужчина приходился на четыре двора».¹

С учетом того, что среднегодовая выработка трудодней трудоспособной женщины примерно в полтора раза ниже, чем у мужчины, а у престарелых и подростков – в 2,5-3 раза, общий объем трудовых ресурсов деревни уменьшился фактически не на 13,8%, а на четверть.² Вплоть до 1944 года пополнение рабочей силы в колхозах все менее и менее возмещало ее убыль. «Только в первый год войны убыль мужской силы была замещена на 77%, в 1942 году – на треть за счет женщин, подростков и престарелых. В 1943-1944 годах трудовые ресурсы оказались исчерпанными, дефицит рабочей силы уже не возмещался», – писал историк Ю.В. Арутюнян.³

Сокращение дефицита трудовых ресурсов в годы войны было возможным лишь одним путем: за счет более полного вовлечения в общественное производство женщин, подростков, нетрудоспособных и престарелых, то есть – увеличения производственной нагрузки на всех колхозников. О нагрузках можно судить по таким показателям: в 1942 году, в сравнении с довоенным 1940 годом, участие трудоспособных колхозников в сельскохозяйственном производстве страны выросло с 90 до 97%, престарелых и больных – с 90 до 96%. Особенно ощутим такой рост у подростков – с 60 до 95%.

Вспоминала С. Мясникова, в годы войны жила в деревне Цилиба: «Мама одна работала, много ли зарабатывала. Вот я и пошла работать, было мне в ту пору пятнадцать лет. Молоко возила. А его еще надо через сепаратор пропустить. Руки-то невелики, сил не хватает крутить аппарат. Весной до слёз навозилась этого молока, до Ошлапья ездила...».⁴ Если же говорить о таком привычном мериле колхозного труда, как трудодень, то в 1943-1944 годах среднегодовая выработка трудодней трудоспособными колхозниками превзошла уровень

1940 года в 1,4 раза, в том числе у мужчин – наполовину; среднегодовая выработка трудоспособной женщины в 1943 году в 2-2,5 раза превышала увеличенный минимум трудодней.

Можно сказать, что в годы войны каждые двое мужчин работали за троих, каждая женщина работала за двоих.

Приведем еще один показатель, отражающий упорный труд колхозников: женщины и подростки в 1943 году заработали примерно на четверть трудодней больше, чем в 1940 году.⁵ «... среднегодовая выработка трудодней в тыловых районах Союза росла повсеместно. Это и был главный источник, компенсировавший труд колхозников, которые выбывали в Красную армию и промышленность, – отмечал Ю.В.Арутюнян, – ...именно увеличение годовой выработки трудодней оставалось основой возмещения трудовых потерь. По исчислениям А.П.Тарасовой, увеличение годовой выработки женщин заменило труд выбывших колхозников наполовину, увеличение выработки всех категорий (женщины, мужчины, подростки) – на три четверти».⁶

Рост выработки трудодней теми, кто остался в колхозах, свидетельствовал не столько о значительном росте производительности труда, но – в большей мере – о его напряженности.

Точнее сказать – перенапряженности.

1 Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд-во АН СССР. 1963. С.68.

2 Там же. С.68-69.

3 Там же. С.68.

4 И помнит Ленская земля. Архангельск. 2005. С.154.

5 Арутюнян, Ю.В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Изд-во АН СССР. 1963. С.67,83.

6 Там же. С.87.

Глава первая.

На пределе сил и возможностей

Трудовые и материальные ресурсы колхозов Ленского района в годы Великой Отечественной войны и восстановления народного хозяйства. 1941-1952 годы.

Часть первая. Колхозы с женским лицом

Двое трудоспособных мужчин на 48 дворов

ПРОЦЕСС КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ, который в Ленском районе, как и во всей стране, проходил в столкновении интересов различных слоев сельского населения, сопровождался подъемами и спадами, в основном завершился к середине 1930-х годов. К началу Великой Отечественной войны в районе насчитывалось 64 колхоза. Рост колхозного движения сопровождался увеличением посевов сельхозкультур, укреплялась материальная база. Создание в 1932 году машинно-сенокосной станции (позже – машинно-тракторная станция) позволило увеличить объемы механизации полеводческих работ: к 1935 году тракторные бригады МТС обрабатывали поля 52-х колхозов. В 1935 году в районе была создана Районная колхозная школа, на курсах ее шло обучение заведующих молочно-товарными фермами, бригадиров полеводческих бригад, счетоводов и работников других специальностей.

Не обходилось и без трудностей. Особенно сложным было положение в животноводстве, где не хватало скотных дворов, телятников, свинарников и конюшен, а их строительство велось медленными темпами. Одной из первоочередных задач колхозного строительства оставалась борьба за дисциплину труда. Так, например, в семи колхозах, которые относились к различным сельсоветам, лишь 13% колхозников выработали в 1935 году от 300 до 400 трудодней, в то же время почти треть всех работающих (32%) выработали в тот год менее 100 трудодней.

Несколько в ином положении, чем остальные, находились неуставные колхозы, образованные в 1932 году в поселках спецпереселенцев («Труженик» в Нянде, «Новая деревня» в Ледне, «Путь к рассвету», затем «Рассвет» в Уктыме, «Новый путь» в Пантье и «Новый Север» в Ягве). Для этих сельхозартелей было характерно развитие таких кустарных промыслов, как дегтярное, смолокуренное, кирпичное, бондарное производство. В 1940 году колхозный счетовод из Нянды Г. Парфиянович отмечал, что «основное поступление денежных доходов происходит за счет работ подсобных предприятий и животноводства». ¹

Накануне войны неуставные сельхозартели в спецпоселках были преобразованы в уставные, однако руководство всей деятельностью их осуществляло не правление во главе с председателем колхоза, а назначенный комендатурой района комендант. Так называемых «кулаков», «врагов народа» на фронт стали брать только в 1942 году, поэтому с началом войны здесь не наблюдалось такого оттока рабочей силы.

Тем не менее, все трудности военного времени жителям этих поселков, как и жителям сел и деревень, довелось хлебнуть в полной мере.²

Уже в первые дни и недели войны по Вычегде пошли пароходы с новобранцами. А по берегам еще долго махали и махали им вслед белыми платочками их жены, матери, сестры. И вряд ли кто из них предполагал тогда, что всю тяжесть крестьянского труда придется взвалить на себя на долгие военные годы.

Деревня теряла рабочие руки, в которых и в довоенную пору не чувствовалось излишка. К июню 1941 года действительную военную службу проходило 560 наших земляков. В годы войны из района было призвано в Красную Армию 4500 человек. Таким образом, за весь период войны в рядах армии находилось 5060 жителей района. Из них 2384 человека, или почти половина из числа воевавших, не вернулись с полей сражений.³

Примерно такое же соотношение ушедших и невозвратившихся было и у колхозников. За военные годы численность колхозного населения уменьшилась на 10%, трудоспособного – на треть, число трудоспособных мужчин – на 60%, то есть более, чем наполовину. Если в первый год войны трудоспособный мужчина в колхозах района приходился примерно на два двора, в 1943-1945 годах – на пять дворов. В колхозах Иртовского сельсовета в первый год войны на десять колхозных дворов приходилось до четырех трудоспособных мужчин, к 1943 году – один на восемь дворов.⁴ В колхозе «Путь к социализму» Ленского сельсовета к 1943 году приходилось всего двое трудоспособных мужчин на 48 дворов.⁵

Таблица 1.

Структура колхозного населения Ленского района в 1940-1945 годах

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Колхозные дворы	2777	2863	2870	2729	2794	2788
Население	9505	9074	8452	8412	8171	8264
Жителей на один колхозный двор	3,4	3,2	2,9	3,1	2,9	3,0
Трудоспособные	4202	3736	2860	2765	2453	2825
На один колхозный двор	1,5	1,3	1,0	1,0	0,9	1,01
Трудоспособные мужчины	-	1335	672	557	543	785
На один колхозный двор	-	0,47	0,23	0,2	0,19	0,28
Трудоспособные женщины	-	2401	2188	2208	1910	2040
На один колхозный двор	-	0,84	0,76	0,81	0,68	0,73
Нетрудоспособные и престарелые	-	-	-	-	-	-
Подростки	1545	1233	1233	1246	1200	947
Из числа труд/способ работают в пром. или на трансп., но проживают в колхозе	712	509	501	463	367	426

ГААО.Ф.1840.Оп.3.Д.33.Л.1.Д.37.Л.1.Д.41.Л.1.Д.48.Л.1.Д.57.Л.1.Д.64.Л.1

Возьмем для примера колхоза имени Стаханова Сафоновского сельсовета. Он был организован в 1936 году путем слияния трех ранее существовавших колхозов, которые находились в деревнях Паладино, Богослово, Бузда и Оскакож. В сентябре 1941 года правление колхоза, из которого большая часть мужского населения ушла на фронт, приняло решение: «Использовать на уборке хлеба, сена и других культур всех людей старых и малых...».⁶ Тем не менее, даже при таком упорном труде от части сенокосов пришлось отказаться.

По данным на 1 ноября 1944 года население этих деревень составляло 254 человека, в том числе эвакуированного – 25. Здесь было 10 трудоспособных мужчин и 58 трудоспособных женщин. В колхозе работало 28 подростков.⁷

В армию призывались не только рядовые колхозники, но и бригадиры, кладовщики, председатели колхозов, порой. Так, в начале июня 1942 года в колхозе «Заветы Ильича» Слободчиковского с/с повестки военкомата получили кладовщик, заведующий молочно-товарной фермы и два бригадира.

То, как нелегко проходило замещение этих должностей, рассмотрим на примере колхоза «Слободчиковский». Уже на второй день войны на заседании правления колхоза решался вопрос о замене кладовщика и бригадира. Вместо В. Щипина кладовщиком был выбран Ф. Баранов, однако он отказался, и на эту должность на заседании правления 25 июня кладовщиком был утвержден сначала А. Баранов, а 28 июня – М. Кибалин. В начале 1942 года и он уходит на фронт, складом остался заведовать С. Якимов.

В сентябре в армию был призван председатель этого колхоза А.М. Рычков, 26 сентября члены правления собрались для того, чтобы решить важный вопрос: кто будет руководить колхозом? Ф.М. Запольский предложил выбрать председателем С.М. Попова, так как «...Созон Максимович бригадиром работал очень даже хорошо, если бы не он, то у нас на сегодняшний день было не урано с полей».⁸ Попов отказался от должности председателя: «Я председателем быть не могу, так как я очень больной, мое здоровье очень плохое, при том я очень глухой даже на другой день не могу норму давать»⁹, тем не менее, члены правления проголосовали за него, принял его и в члены правления.

Однако вернуться к этому вопросу правлению пришлось еще не раз: сначала 3 ноября: «...с 23 сентября нет председателя колхоза, и работой никто не руководит. Решили: по большинству голосов проходит Запольский Федор Максимович»,¹⁰ а затем 19 ноября, когда председателем был выбран Дураков.

Такая кадровая перестановка, а зачастую и отсутствие руководителя того или иного участка работы не могли не сказаться на всей деятельности хозяйств, в том числе и на трудовой дисциплине. В том же колхозе «Слободчиковский» эти вопросы не раз выносились на обсуждение правления:

10 августа 1941 года: «...сорвали сеноуборку, все колхозники ушли в лес за ягодами, несмотря на то, что был дан наряд»;¹¹

12 сентября: «...у нас в колхозе очень нет дисциплины, рабочие не выходят на работу и бригадира ругают как попало. Если еще кто не будет выходить на работу, то будем принимать строгие меры»;¹²

15 июля 1942 года: с дисциплиной дело обстоит очень плохо, ни одного колхозника невозможно нарядить на работу, а люди ходят ничего не делают целыми днями. Постановили: за невыход на работу и неподчинение бригадирам дать штраф следующим (список из семи человек, штраф от 1 до 3-х трудодней Прим. ред).¹³

Далеко не все колхозники к своим обязанностям относились добросовестно: 25 марта 1942 года правление колхоза «Слободчиковский» решило передать дело на телятницу Б. в следственные органы, так как «...во время стойлового периода 1941 и 1942 года пало 8 штук, и с колхозными телятами стоит своя корова, которая имеет хорошую упитанность».¹⁴

И все же рабочая нагрузка на колхозников в течение всей войны, и особенно в первой ее половине, постоянно увеличивалась. Постановлением бюро обкома ВКП(б) и облисполкома 2 сентября 1941 года (такое же решение было принято совместным заседанием райкома ВКП(б) и райисполкома уже на следующий день) действующие нормы обязательных поставок сена были увеличены на 30%. Кроме того, колхозы обязывались в счет погашения недоимок прошлых лет по сдаче молока в размере 250 тонн сдать сено по эквиваленту 100 килограммов сена за 20 литров молока равными частями в течение трех месяцев, начиная с 1 сентября.¹⁵

Еще одно решение совместного заседания райкома ВКП(б) и райисполкома 20 апреля 1942 года (принято в соответствии с постановлением Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) и решением обкома партии и облисполкома от 18 апреля 1942 года) обязывало колхозников повысить обязательный минимум трудодней.¹⁶ Выполняя постановление обкома ВКП(б) и исполкома областного Совета депутатов трудающихся от 25 июня 1942 года, райком ВКП(б) и райисполком приняли решение о создании колхозами района хлебного фонда Красной Армии из урожая 1942 года в размере 29,5 тонны при сдаче в него 4 килограмма зерна с каждого гектара пашни, с которой исчисляются обязательные поставки.¹⁷

Особенно напряженным по трудовой нагрузке был для колхозников района 1943 год. Выполняя решения вышестоящих партийных и советских органов, райком ВКП(б) и райисполком 29 апреля приняли решение с сверхплановым посеве 600 гектаров яровых культур, 6 мая – о мероприятиях по расширению посевов и повышении урожайности картофеля, 23 августа – о посеве озимой ржи сверх плана в фонд Главного Командования Красной Армии (100 гектаров).¹⁸

Колхозниками приходилось напрягать последние силы, чтобы выполнять эти решения. Общее собрание колхоза «Слободчиковский» в мае 1943 года постановило: «Рабочий день по колхозу установить с 6 часов утра до 8 часов вечера, используя весь дневной свет на дело выполнения колхозных работ. ...в соответствии решения исполкома сельсовета от 29 апреля 1943 года категорически запретить производить работы для своих личных целей в период колхозного рабочего дня с 6 часов утра до 8 часов вечера. Колхозники, эвакуиро-

ванные, мобилизованные всех возрастов, не имеющие на это разрешения от правления колхоза за нарушение налагаются штраф от 2 до 5 рублей».¹⁹ В августе 1943 года правление колхоза «Красный май» Козьминского с/с утвердило распорядок рабочего дня на посевной: «Пахарям и бороновальщикам: завтрак с 3-30 до 4 часов, с 4 часов работать до 9 часов, с 9 часов предоставляется отдых до 11 часов, с 11 часов работать до 4 часов, с 4 часов обед до 6 часов, с 6 часов работать до 10 часов. Прочие работы: завтрак с 5 до 6 часов, с 6 часов до 10 часов рабочее время, с 10 часов до 11 часов обед, с 11 часов до 5 часов рабочее время. С 5 часов до 6 часов отдых и с 6 часов до 10 часов рабочее время».²⁰

В 1944 году колхозы района оказали значительную помощь колхозам Ленинградской области, освобожденной от фашистских оккупантов, крупным рогатым скотом и семенным зерном.²¹

О той огромной степени напряженности, которая была характерна для колхозов военной поры, говорит и тот факт, что часто колхозники, как и все население района, привлекались на срочные работы, имеющие оборонное значение. Так, в ноябре 1941 года 882 человека из Ленского района было направлено в Грязовецкий район Вологодской области на возведение оборонительных сооружений. Около половины из числа мобилизованных составляли женщины в возрасте от 18 до 45 лет, в том числе и колхозницы.²²

В годы войны эти слова «трудовая мобилизация» не раз звучало в колхозах.

Из колхоза – в лесную делянку

С УХОДОМ МУЖЧИН на фронт резко возросла нехватка рабочих рук в главной отрасли промышленности района – на лесозаготовках. Заменяя ушедших на фронт мужей, братьев, отцов, в лесные делянки вышли женщины, взяв в руки пилы и топоры.

И все же своих сил у лесопунктов для выполнения планов не хватало. Решением райисполкома ежегодно на зимний сезон вводилась платная трудовая повинность с привлечением для работы в лесу колхозников, единоличников и эвакуированного населения. Большинство привлеченных на лесозаготовки составляли женщины. Так, например, по разнарядке райисполкома колхозу «Заветы Ильича» Слободчиковского с/с в сентябре 1942 года требовалось выделить на лесозаготовки 10 рубщиков леса. В решении заседания правления колхоза записали: «...выделить рабочих на лесозаготовки только 8 человек, так как больше выделять некого».²³ В списке из восьми человек значится только один мужчина.

Каждую зиму в лесу работало 500-600 колхозников. Большинство из них успешно выполняли и перевыполняли нормы выработки. Комсомольско-молодежное звено Антонины Воробьевой из колхоза «Красное Заречье» Иртовского сельсовета в составе трех человек, работая в Шиесском лесопункте, вырубали в день по 5-7 кубометров при норме 3-4. Федосья Мастинина с Ниной Истоминой из колхоза «Октябрь» Ленского сельсовета ежедневно выполняли по 1,5-2 нормы.²⁴ И это далеко не единичные факты, районная газета «Ленский вестник» не раз сообщала об ударном труде колхозников, называла имена передовиков.

Условия, в которых работали колхозники-лесозаготовители, было нелегкими. «Направили нас из колхоза в лес, – вспоминала А.И. Рожкова, – приедешь в лесной поселок – баня, ларек да огромный барак. А жили в бараке этом так: по одну сторону девушки да женщины спали, у них топчаны стоят, а по ту сторону мужчины пожилые да ребята – пацанье, те, кто постарше был, на фронте воевали...».²⁵ «Всех нас, молодых, на подвесную дорогу, в Сендугу, отправили, лес заготовлять, – у С. Мясниковой из деревни Цилиба свои воспоминания о тех годах, – велики ли мы были: вагонетку еле разгрузим. И погибали там девушки... Потом отправили на сплав на Чёрву. Пешочком ходили, и до Яренска, и до Чёрвы... Залом надо на реке разбирать – нас посыпают. Мы все ближе к лодке держались. А Сима Шаньгин с Лены однажды километра три плыл на бревне. Пристать-то к берегу не может, в студеную воду не соскочишь...».²⁶

Спрашивали за невыход в лес и за досрочный уход оттуда строго. «Колхозникам Кибалину А.Н. и Ларионовой М.Н. выйти в лес, – говорилось в решении правления колхоза «Заветы Ильича» Слободчиковского с/с 23 января 1942 года, – в случае невыхода дело передать в следственные органы».²⁷ 23 февраля 1942 года правления того же колхоза принимает решение «оформить дело актом и передать в следственные органы»²⁸ по поводу выхода из лесу троих колхозников, которые отказались возвращаться обратно.

26 марта на заседание правления колхоза вызваны пять женщин, которые оставили работу в лесу и вернулись домой. Причины называли разные («Кибалина А.Я.: «Не пойду,

пока маму не вылечу»²⁹, Софронова Л.П.: «Нужно трудодни зарабатывать и надо на мельнице молоть»).³⁰ А решение было вынесено одно: «Штраф по 3 трудодня и в случае невыхода 29 марта передать в следственные органы».³¹

С ростом потребности страны в лесе нагрузка на леспромхозы, а значит и на колхозы, возросла: если в первый военный зимний сезон суточный график рубки леса колхозами предусматривал 563 кубометра древесины, то в сезон 1943-1944 годов – этот показатель вырос в два раза – 1140. Соответственно выросли объемы подвозки и вывозки древесины.³²

Начиная с 1942 года, население района, наряду с лесозаготовками, стало привлекаться на заготовку топлива для железнодорожного транспорта и другие работы, связанные с обеспечением фронта. В 1942 году на оборонные работы было направлено 300 человек, в 1943 году на дровозаготовки для железной дороги – 160, на следующий год – 450. На осенне-зимний сезон 1944-1945 годов райисполком утвердил план направления на дровозаготовки для железнодорожного транспорта 387 пеших человек и 230 возчиков с лошадьми (в основном из колхозов).

Помимо этого, колхозы были обязаны мобилизовать в леспромхозы района для заготовки и вывозки авиафанерной березы и авиационной сосны для военной промышленности с 1 декабря 1944 года по 1 апреля 1945 года 103 колхозника и 73 лошади, а также выделить для железной дороги на снегоборьбу 135 человек и 11 лошадей.³³

Проблема трудовых ресурсов в колхозах района в годы войны усугублялась и тем, что они продолжали служить источником пополнения рабочей силы для промышленности, притом не только района, но и области. Так, например, весной население района, в том числе и колхозники, были мобилизованы на сплавные работы не только своего района, но и Котласского и даже под Архангельск, на Малую Двину.

Мобилизации вне пределов района проходили как на временной основе (в марте 1944 года в Архангельск было послано 20 человек на торфоразработки на период с 10 апреля до 15 ноября), так и на постоянной (в марте 1943 года поступил запрос из Архангельска выслать на постоянную работу на второй завод Кодино 50 человек). Одновременно с этим сельская молодежь района активно вовлекалась в школы ФЗО и ремесленные училища для подготовки кадров в промышленные предприятия и стройки для обеспечения нужд фронта: в 1941 году – 53 юноши и девушки в возрасте 15-47 лет, в 1942 году – 170, в 1943 – 88, в сентябре 1944 года – 110.³⁴

«Выработано учащимися 47600 трудодней»

В ИЮЛЕ 1941 ГОДА в район стали прибывать эвакуированные из Карело-Финской АССР, Мурманской и Ленинградской областей. К февралю 1942 года здесь уже насчитывалось 1565 трудоспособных эвакуированных. Около трети из них (502 человека) работали в колхозах. Всего в первые годы войны в район поступило около трех тысяч человек, которые по мере освобождения оккупированных областей стали возвращаться домой. На 1 января 1946 года в районе еще оставалось 796 человек, в том числе в колхозах 250.³⁵ Эти люди стали одним из резервов привлечения рабочей силы для колхозов района.

«Размещали эвакуированных в свободных избах или комнатах, – рассказывала О.В. Печерская из деревни Слобода Ленского сельсовета, – в нашу зимнюю избу привезли три семьи. Мы должны были обеспечить их дровами, поделиться посудой, научить топить русскую печь. Через неделю после приезда женщины и подростки вышли в колхоз на работу. Приезжим из городов женщин приходилось учиться работать на сенокосе, на полях, на токах. Было трудно, некоторые даже не умели держать в руках грабли, боялись лошадей».³⁶

Взять в руки косы и грабли в горячую пору сенокоса приходилось не только эвакуированным. Сезонный характер сельскохозяйственных работ в полеводстве в условиях острой нехватки рабочей силы в колхозах в военное время вызвал настоятельную необходимость привлечения к труду в период страды местного населения. И, в первую очередь, школьников.

Спустя три недели после начала войны, 11 июля 1941 года, исполком районного Совета депутатов принял решение о привлечении учащихся 7-10 классов неполных средних и средних школ района к сельскохозяйственным работам в колхозах. Этим же решением была определена продолжительность рабочего дня: для учащихся до 16 лет – 6, старше 16 лет – 8 часов. Отделу народного образования было поручено сформировать звенья отдельно из мальчиков и девочек во главе с учителями и организовать работу их с учетом и оплатой на общих основаниях.³⁷

Другим решением райкома ВКП(б) и райисполкома, от 26 сентября 1941 года, принятым в соответствии с постановлением бюро обкома ВКП(б) и исполнкома областного Совета депутатов трудящихся, на территории района введена трудовая повинность на уборке сельскохозяйственных культур. К работам привлечено все трудоспособное население, в том числе учащихся школ, рабочие и служащие райцентра.³⁸ Со второго декабря 1941 года в районе введено обучения учащихся старших классов и части служащих райцентра сельскохозяйственным работам без отрыва от производства и учебы. В срок со 2 декабря 1941 года по 1 декабря 1942 года планировалось обучить 665 учащихся и 200 служащих. Занятия проводились по 6 часов неделю.³⁹

О том, как проводилось такое обучение, в докладной записке райисполкуму доложила исполняющая обязанности заведующего РОНО А.Н. Косикова: «Обучение учащихся началось с 25 ноября 1941 года. Обучалось по классам: 6-е – 240 человек, 7-е – 311, 8-е – 70, 9-е – 39, 10-е - 30. Из них подготовлено трактористов – 36. Остальные изучали программный материал. Обучение вели преподаватели биологии. Только трактористов обучал бригадир тракторной бригады. Принимали участие в работах колхозов 2495 учащихся и 145 учителей. Работало пять отрядов – 58 человек... Собрано колоса 27 тонн, в т.ч. одна Ошлапецкая школа – 4 тонны 200 кг... Выработано трудодней учителями 4350, учащимися 47600, всего – 51950. Одна из лучших школ - Слободчиковская (директор Кондаков): заработано 11,5 тыс. трудодней. Ряд учащихся заработали более 100 трудодней». В докладной отмечались и недостатки: «...колхозами слабо был поставлен учет труда, не всегда своевременно организовывали питание учащихся, сельскохозяйственное обучение проходило больше теоретически».⁴⁰

С принятием постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 апреля 1942 года «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельской местности» райком ВКП(б) и райисполком закрепили на постоянной основе для оказания помощи колхозам в проведении весеннего сева, уборки сена и урожая организации райцентра, а также коллективы Ленского леспромхоза и Ленского леспродторга, а в сельсоветах района сплавные участки, школы, отделения леспродторга, больницы и медпункты.⁴¹ План мобилизации рабочей силы в колхозы района на период сельскохозяйственных работ в 1942 году предполагал выделение 1462 человек, в том числе 738 учащихся, 529 эвакуированных, а также служащих и домохозяек.

Такие мобилизации проводились и в последующие годы. Так, например, в 1944 году предполагалось мобилизовать на сельскохозяйственные работы в колхозы 535 мужчин в возрасте 14-55 лет и женщин в возрасте 14-50 лет.⁴²

На женских плечах – вся тяжесть тыла

И ВСЕ ЖЕ, несмотря на все меры по привлечению учащихся школ, эвакуированного населения и взрослого населения, основная тяжесть в годы войны пришлась на долю самих колхозников – женщин, престарелых, подростков. Достаточно сказать, что на долю привлеченных на сельскохозяйственные работы в период страды в колхозы района учащихся и мобилизованных приходилось в 1942 году 8,2 % трудодней, в 1943 – 8,9%, в 1944 – 9,6%, в 1945 – 8%.⁴³

В годы войны И. Ершов работал председателем Козьминского сельсовета. Вспоминал: «В сельсовете было пять колхозов. Колхозницы работали на полях и лугах, на фермах по 14 часов в сутки... Скотницы, чтобы напоить коров, носили ведрами воду за полсотню метров. Кроме выполнения основных обязанностей, несли охрану дворов в ночное время, возили корма с луга, почти каждый день летом выходили на заготовку кормов и уборку урожая».⁴⁴ «Работники животноводства и корма заготовлять помогали, – это строки из рассказа Е.Гладышевой из Козьмино, – и коров пасли в первые дни, и прифермские участки засевали. Косили, гребли, металли – все руками женщин. Помню, А.В. Кузнецова, заменив своего мужа, работала кладовщиком. Склады разбросаны на десяток километров. Сколько зерна было пересушено вручную! Привезут сырое зерно – надо сушить. А где? Сушилка мала. Высыпаем зерно на печи у колхозников».⁴⁵

«Не было передышки и зимой, – рассказ о М.А. Крюковой из деревни Савкино, – начался отел коров, нередко и ночами приходилось дежурить прямо на ферме. Не хватало кормов, и тогда женщины брали топоры, санки и отправлялись в лес заготовлять хвою. Домой после тяжелого изнурительного труда возвращались в 10-11 часов вечера. А дома ждали маленькие дети, а значит – новая работа. А потом... Одна за другой стали приходить похоронки. Одна... вторая... третья. Так всех троих братьев и забрала война».⁴⁶

А. Лукошникова из колхоза имени братьев Покровских была в годы войны и заведующей фермой, и бригадиром, и дояркой в колхозе. Вспоминала: «Где нужнее – туда меня и отправляют. И сено подвозить самой приходилось, и навоз увозить. А лето наступит – бабы косить пошли. Литовку, помню, отбить не умеем. А надо. И научились. Работали с утра до позднего вечера. А ведь дома у каждого куча ребятишек. И все – мал-мала меньше...».⁴⁷

О самоотверженном труде колхозников часто рассказывалось на страницах районной газеты «Ленский вестник». Это были в основном небольшие заметки с именами лучших колхозников и цифрами показателей, но и по ним нетрудно представить себе тот большой труд, которым жила в те годы каждая деревня, каждый колхоз.

«В колхозе «8 Марта» (д. Выемково) Коктомов Семен Павлович, стариk 65 лет выполняет по косьбе 2-2,5 нормы. Бобцов Василий Васильевич и конюх колхоза стариk Софин Егор Павлович выполняют нормы на стогометании на 150-200%. На работу выходят в 6 утра и заканчивают поздно вечером» (7 августа 1941 года);

«На полях колхоза «Путь к социализму» Ленского с/ хорошие образцы работы с перевыполнением норм выработки показывают пахари Софина Л.В., Пятиева А.С, Попова Е.И., которые вспахивают по 0,45 га при норме 0,35... Лучший пахарь колхоза им. Буденного Алексеева Екатерина Петровна (Иртовский с/с) ежедневно вспахивает по 0,5 га, зарабатывает по 2 трудодня» (7 мая 1943 года);

«Комсомолка Мягкоступова Надя на вязке снопов выполняет норму на 150%. Машиноводители Амосовы Василий и Александр ежедневно жнут по 2-3 га, более 100% к норме» (26 августа 1943 года).

Н.М. Нефедьева пришла на ферму в 1938 году 17-летней девушкой. Всю войну проработала в животноводстве, в 1945 году она ухаживала за десятью коровами, тремя нетелями и быком-производителем. Добивалась высоких удоев, славу передовой доярки сохранила и в послевоенные годы: в том же году она получила лучший убой по району 1600 килограмм от удойной коровы и была награждена денежной премией от облисполкома в размере 1000 рублей.⁴⁸

Одним из передовых колхозов в годы Великой Отечественной войны был колхоз «Харлов остров», председатель - М.И. Нефедьев. Если в первые годы войны урожайность зерно-вых здесь составляла 7-8 центнеров с гектара, то в 1944 году колхоз получил 14,3 центнера. Росли удои молока. По итогам 1945 года колхозники получили на трудодень 1,8 кг хлеба, 1,5 кг картофеля, 0,7 кг молока и 10 рублей деньгами.⁴⁹

А.П. Леушева до войны была заведующей молочной фермой в колхозе «Северное сияние» Тохтинского с/с, когда в 1941 году на фронт взяли ее брата П.П. Жданова, она заменила его на посту председателя колхоза. «Доставалось нам в годы войны, – вспоминала о минувших годах, – сенокосы у нас были дальние, за Яренском. Большого труда стоило и заготовить, и подвезти сено для колхозного стада. На трудодни приходилось немного. Но мы не жаловались».⁵⁰

В военное время женщины, заменяя уходящих на фронт мужчин, все чаще становились председателями колхозов. На рубеже 1942-1943 годов на межрайонные курсы по подготовке председателей колхозов от района был послан ряд руководителей хозяйств, в их числе – К.И. Жданова («Победа» Тохтинского с/с), М.П. Борисова («Новая жизнь» Козьминского), Е.М. Алябышева («Верный путь» Козьминского), В.И. Помылева («Малый кряж» Иртовского).⁵¹

Л.М. Векшина была одной из самых молодых председателей колхоза в районе: когда в феврале 1943 года она возглавила колхоз «Луч», ей было двадцать лет. «Лихо, как казак, носилась верхом на лошади, везде спасала сама, – рассказывала о ней О.В. Печерская, – заезжала на фермы, на конюшню. Днем давала наряды на работу. Часто мы видели ее на сенокосе с граблями в руках».

О том, какими были военные годы для женщины, да еще председателя колхоза, рассказывает М.М. Мясникова. В 1939 году ее избрали председателем колхоза «Доброволец», объединившего деревни Цилиб и Речку. В марте 1941 года колхоз разделили: в деревнях Речка и Успаста был образован самостоятельный колхоз «Организатор». А в июне грянула война. «Те годы были самыми трудными, – говорит Мария Михайловна. – Техники не было, а убрать надо было все до зернышка. Значительная часть хлеба, сена, картофеля шла государству, для фронта. В колхозе в основном работали женщины, свои и эвакуированные из Карелии. Трудились не покладая рук. Все лето наравне со старшими работали школьники. Их тоже надо было кормить. Очень трудным, малоурожайным, выдался 1943 год. Дали по 300 граммов хлеба на трудодень. Однажды вечером пришла ко мне женщина в слезах просить

хлеба. А все уже было разделено, фондов не оставалось. Я ей отказалась. Но когда она вышла от меня – сердце сжалось. У нее же дома голодные дети! Как она придет домой? Выбежала следом. Остановила. Нашла кладовщика и на склад. Намели по сусекам, насобирали зерна, и она ушла успокоенная...

З октября 1943 года отправила старшего сына Константина в армию, а в феврале того же года получила похоронку. Личное горе легче переносится в кругу людей, забывается за делами. В правлении днем находилась редко, приходила туда или приезжала усталая к вечеру. В такие часы собирались в правлении колхозники, решали неотложные дела, делились новостями, обсуждали обстановку на фронте...»⁵²

Работу ряда сельских Советов тоже возглавляли женщины – Амосова (Тохтинский), Векшина (Ленский), Н.П. Билькова (Урдомский), Е.И. Ложкина (Суходольский), Мягкоступова (Сойгинский), Рупосова (Софроновский), Щеголева (Иртовский) и другие.

МТС: «Из ремонтного оборудования был только железный лом»

ПО ТРАДИЦИИ, сложившейся еще в довоенный период, механизация сельскохозяйственного производства в колхозах шла по двум направлениям: путем приобретения сельскохозяйственных машин и орудий самими колхозами и использование их с помощью государства через систему машинно-тракторных станций (МТС).

На конец 1940 года в среднем на 10 колхозов района приходилось 306 конных плугов, 68 борон, 32 зерновые сеялки, 29 сенокосилок, 17 граблей, 22 молотилки, 5 зерновых сорти-ровок, 14 соломорезок, полторы кормозапарни. Много это или мало? По количеству орудий и машин в среднем на один колхоз район превосходил среднюю сельскохозяйственную артель Архангельской области по числу техники по обработке земли, кроме плугов, и уборочной (культиваторы, сеялки, сенокосилки, грабли) и уступал по технике приготовления кормов для животноводства и обработки продукции (соломорезки, запарни, сортировки и триеры зерновые).

Такое различие в технической оснащенности в среднем колхоза и МТС в районе и в области в целом сохранилось до начала 1950-х годов.

Небольшая историческая справка. Машино-сенокосная станция, так она первоначально называлась, была организована в селе Лена в 1932 году. Она имела 59 косилок, 4 жатки, 17 конных граблей, сеноворощилку, 4 силосорезки, 25 сортировок, 3 культиватора, 15 борон, 6 сеялок, клеверотерку и 3 лошади. Уже в первые годы силами станции было заготовлено в 40 колхозах на площади в 2500 гектаров 4310 тонн сена, засыпано 2500 тонн кормов. В 1934 году на станцию поступили первые 5 тракторов СХТ с 10-сильными моторами, через год – еще 5 ЧТЗ с 15-сильными. Станция была преобразована в машинно-тракторную станцию. В 1941 году в МТС имелось 28 тракторов, 2 грузовые автомашины, 4 комбайна, 5 молотилок, кусторез и другая техника.⁵³

Из Ленской МТС на фронт было отправлено 5 тракторов и грузовой автомобиль. К началу войны большая часть тракторов проработала 8 и более лет, износилась, часто ломалась и выходила из строя. Из воспоминаний ветеранов МТС:

А.М. Волков, механик: «Запасных частей не было. Бывало, спать ложишься и думаешь, чем бы заменить изношенные детали у трактора»;

А.Н. Карпова, комбайнер в годы войны: «Помнится мне вечный холод в мастерских, дым (станция находилась в бывшей церкви – Б.У.). Вначале не было никакого освещения, зажигали от нужды керосиновую лампу. Из оборудования был только железный лом. Вручную снимали для ремонта двигатель, так же ставили на место...».⁵⁴

С уходом на фронт опытных трактористов, с износом техники объем работ в колхозах района стал сокращаться. В первый год войны он снизился почти на 40%; на столько же упала и выработка на условный 15-сильный трактор. На второй год войны число трактористов было восстановлено за счет женщин и молодежи.

Но подбор и замена механизаторов осуществлялись с трудом, так, например, в январе 1942 года на курсах подготовки трактористов вместо 30 человек обучалось 16.⁵⁵ По заявлению начальника политотдела МТС Ковалева, в марте 1942 того же года из колхозов выделяли людей, не снабжая их питанием, они были вынуждены уезжать обратно в колхоз, а женщинам, которые могли бы и хотели выучиться и работать на тракторе, не с кем было оставить детей, яслей не было.⁵⁶

Ежегодно Ленский райком ВКП(б) и райисполком принимали решения о подготовке механизаторских кадров на базе МТС. Так, например, 18 октября 1943 года было решено провести призыв (мобилизацию) на курсы трактористов 20 человек с 16-летнего возраста, в школу механизаторов – 4, комбайнера – 4, бригадиров тракторных бригад – 2, шоферов – 1, резервного кадра – 1. При этом набор производился преимущественно за счет женщин и инвалидов Отечественной войны.⁵⁷

С заменой трактористов в наиболее суровые годы войны (1942-1943) общий объем произведенных в колхозах района работ техникой МТС стал возрастать, а выработка на условный трактор вплотную приблизилась к довоенному периоду. На сессии районного Совета 17 апреля 1943 года трактористка А.Н. Карпова заявила: «...из 23 тракторов отремонтировали 21, осталось отремонтировать один «Сталинец» и один колесник, а также часть прицепов. В ближайшие 2-3 дня заканчиваем ремонт. Качество ремонта, по заключению комиссии, хорошее».⁵⁸

В 1944 году станция выполнила годовой план на 128,2%, выработка на трактор была больше, чем за какой-либо год за все время существования МТС. Однако недостаток опыта работы механизаторских кадров, отсутствие запасных частей часто приводили к срыву в работе, к нарушениям сроков работы в колхозах, что привело к потерям урожая и недобору зерна.⁵⁹ Много нареканий прозвучало на сессии райсовета 15 мая 1944 года со стороны председателей сельсоветов и колхозов по поводу работы тракторов в период весеннего сева («в колхозе «Труженик» трактор не всхахал ни одного га, в колхозе имени братьев Покровских – 7 га», «плохо работают трактора, часто ломаются»). На сессии был сделан вывод: ремонт тракторов был произведен полностью, но на севе они работали плохо: из 23 тракторов, пригодных пахать, через 5 дней из строя вышли 12...».⁶⁰

Выработка общего объема работ в колхозах района силами МТС и на условный трактор достигалась за счет менее трудоемких работ. Особенно это обстоятельство относилось к 1943 году, когда при выполнении общего объема работ МТС в размере 84% к уровню последнего довоенного года многие важные виды сельскохозяйственных работ были выполнены на 40-60%.

Во второй половине войны это положение стало исправляться. В 1944 году при выполнении общего объема работ на 93% к уровню 1940 года выработка на условный трактор и пахота под озимые превысила довоенную, на уровень 70-80% вышли весенняя вспашка и боронование пара, 80 и более процентов – боронование весенней вспашки, сев яровых зерновых, подъем и перепашка пара, сев озимых.

Таблица 2.

Основные показатели работы Ленской МТС в 1940-1945 годах.

	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Число обслуживаемых колхозов	35	37	34	34	32	30
В них посевной площади, га	4000	3899	2872	3544	3041	3780
В том числе посевов зерновых	2875	3042	2552	3030	2542	3056
Среднегодовая численность работников	70,8	59,4	90	75	90	97
Основные фонды на конец года, тыс.руб.	472,2	445,6	422,9	421,2	388,3	401,8
Количество тракторов физических	28	23	23	23	22	22
Всего тракторов в переводе на 15-сильные	32,5	27,4	27,4	27,4	24,2	24,2
Тяговая мощность тракторного парка, л.с.	486	411	411	411	363	363
Приходится на 100 га посевов, л.с.	12,2	10,5	14,3	11,6	12,0	9,6
Всего произведено работ, га м.п.	6400	3885	5323	5395	5956	4196
Выработано на один условный трактор, га	197,5	124,0	194,0	196,9	216,5	173,3
Число комбайнов физических	4	4	4	4	4	4
Всего комбайнов в переводе на 15-футовые	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1	2,1
Выработано на один услов. комбайн, га м.п.	209	13,8	167,4	184,3	79,5	130,9
Убрано комбайнами сельхозкультур, га	440	29	318	387	167	275
Количество грузовых автомобилей	2	1	1	1	1	1

ЛМА.Ф.12.Оп.1.Д.8.Л.1,127-135.Д.15.Л.42-49.Д.26.Л.1,4-9.Д.35.Л.1,4-10.Д.12.Л.13-22.Д.16.Л.15-24

В 1945 году рост объемов выполнения важнейших видов сельскохозяйственных работ, в основном, продолжался, это было связано с сокращением мобилизации мужчин на фронт и начавшейся демобилизацией.

Пахали на быках и на коровах

В ГОДЫ ВОЙНЫ количество сельскохозяйственных машин и орудий в колхозах района уменьшилось. Сократилось и конское поголовье. Для того, чтобы хоть в какой-то мере возместить потери колхозов в тяговой силе в периоды сельскохозяйственных кампаний, из предприятий, организаций и учреждений мобилизовывались лошади, иногда из крупных предприятий – тракторы. Так, например, в 1942 году на весеннюю посевную в колхозы были переданы лошади из райфо, райлесхоза, две из трех лошадей райуполмингазом, три из четырех лошадей конторы «Заготживсырье», одна лошадь из трех конторы «Мясотрест», а также пять лошадей из конторы «Роспищетара». Предоставили конную тягу, а также технику и лесопункты: 12 лошадей и трактор из Сендугского мехлесопункта, 16 лошадей и трактор из Литвиновского мехлесопункта, 20 лошадей – из Вандышского мехлесопункта, 37 – из Ленского леспромхоза, одна – из сплавконторы.

Однако мобилизованная тяговая сила могла лишь частично удовлетворить потребности колхозов: так, например, в колхозы Тохтинского сельсовета из Ленского леспромхоза мобилизовано 25 лошадей, а всего недоставало 115; колхозам Софроновского при потребности 269 лошадей переданы 21 из сплавконторы и учреждений Яренска. Лучше положение с тяговой силой было в колхозах Сойгинского и Слободчиковского сельсоветов: в Сойгинском потребности в лошадях были удовлетворены полностью (45 голов), в Слободчиковском нужда ряда колхозов была перекрыта за счет колхоза «Заветы Ильича», имевшего излишек в 21 голову.

Таким образом, из недостающих 1014 лошадей колхозы на весеннюю посевную получили 100 лошадей и два трактора.⁶¹

Помимо сокращения в колхозах конского поголовья, состояние его в годы войны было крайне тяжелое. Как отмечала зоотехник земельного отдела райисполкома Соколова, нагрузка на лошадь в годы войны сильно возросла, а кормовая база уменьшалась, что влекло за собой истощение, болезни, падеж.⁶² В ходе подготовки к весенней посевной кампании руководители колхозов и сельсоветов с тревогой говорили о болезни и падеже лошадей в Иртовском, Софроновском, Сойгинском сельсоветах и в целом по району («в колхозах начался падеж лошадей, весной не на чем будет пахать», «состояние конского поголовья очень низкое»).⁶³

Тяжелой выдалась весна 1944 года. В колхозах – полная бескорница и большой падеж скота: за четыре месяца пало 39 лошадей. В колхозах Софроновского сельсовета из 325 лошадей на севе работали 121, остальные были истощенные и больные. Если в 1943 году за четыре дня сева вслахи 950 гектаров, то в 1944 году – 481. По заявлению зоотехников и ветврача Зубова, причинами плохого состояния лошадей являлись не только болезни и истощение, но и варварское отношение к коню, в частности, плохо подогнанная и неисправная упряжь.⁶⁴

Для того, чтобы не сорвать весенний сев, еще зимой 1942 года было принято решение использовать на сельскохозяйственных работах быков и яловых коров. Первоначально намечалось выделить по колхозам района 200 животных, но в начале апреля, в связи с большим объемом посева, решили увеличить число рабочих быков и коров до 700. Были разработаны нормы выработки на одну рабочую лошадь, пару быков и коров в переводе на мягкую пахоту и в зависимости от состава почв в колхозах сельсоветов: Слободчиковский и Сойгинский сельсоветы – 4,6 гектара, Урдомский с/с – 6, Тохтинский и Козьминский – 5,3, остальные – 5,0-5,1 гектара.

Коровы и быки использовались и на уборочных работах: например, в 1942 году предусматривалось использовать на уборке урожая не менее 300 голов крупного рогатого скота.⁶⁵

К использованию быков и коров пришлось прибегнуть и в 1943 году. В феврале райисполком подверг критике правления ряда колхозов и Урдомский сельсовет в целом за то, что они не приступили к обучению крупного рогатого скота сельскохозяйственным работам. Было подчеркнуто: «Подобное отношение к использованию тыловых ресурсов преступно, ведет к срыву основных сельхозработ».

На том же заседании исполнкома рассматривался вопрос о неиспользовании на сельхозработах в колхозах молодняка лошадей. Ряд колхозов критиковались за то, что не приучали молодняк лошадей к сельскохозяйственным работам, что «в особенности в условиях Отечественной войны нетерпимо». Было принято решение немедленно приступить к обучению молодняка лошадей в возрасте от двух с половиной лет к сельскохозяйственным работам.⁶⁶

Надо отметить: несмотря на строгий тон принимаемых райисполнкомом решений о подготовке к полевым работам крупного рогатого скота и молодняка лошадей, выполнялись они слабо. Например, в том же году в ходе подготовки к весеннему севу в колхозах Козьминского сельсовета крупный рогатый скот к работе в упряжи подготовлен не был.⁶⁷ Половина колхозов

района, имея недостаток рабочего скота для сжатых сроков весеннего сева, к обучению крупного рогатого скота и молодняка лошадей не приступала.⁶⁸ В 1944 году на полевых работах было задействовано 25 коров вместо 166 по плану.⁶⁹

* * *

Использование рабочей силы эвакуированных, мобилизация школьников и взрослого населения в страдную пору, наконец, сверхнапряженная работа самих колхозников не могли в полной мере восполнить потери трудоспособной мужской силы ушедших на фронт. Более того, возросший объем лесозаготовок, в том числе и за счет увеличения трудовой и гужевой повинности колхозов, усиление мобилизаций на обеспечение нужд транспорта, восстановления промышленности и подготовки кадров для нее – все это усиливало напряженность труда работников в колхозах.

Острая нехватка трудовых ресурсов колхозов усугубилась снижением уровня механизации сельскохозяйственных работ, сокращением объемов выработки тракторных работ Ленской МТС. А снижение в колхозах в военные годы численности конского поголовья на треть еще более тяжким бременем легло на плечи женщин, нетрудоспособных колхозников, подростков.

К концу войны изношенность трудовых ресурсов была, казалось, на пределе.

Часть вторая.

Теряла работников послевоенная деревня

«Жить станет легче, жить станет сытнее...»

ПОБЕДНЫЙ МАЙ 1945 года стал высокой наградой за все испытания и потери, за все трудности и тревоги, пережитые народом. У колхозников, как и у всех советских людей, он был связан и с большими светлыми надеждами на лучшее: вот вернутся с войны мужики, начнем работать так, как работали до войны. Жить станет легче, жить станет сытнее.

Очень скоро надежды эти растаяли: легче жить не стало, да и сытой послевоенную жизнь в деревне назвать было трудно. Известный историк-аграрник А.П.Тюрина указывала на особенности демографической ситуации послевоенной колхозной деревни: «В годы четвертой пятилетки (1946-1950. Прим. авт.) на изменение численности и состава колхозного крестьянства оказали влияние два процесса, действовавшие в противоположных направлениях. С одной стороны, шло восстановление довоенной численности колхозников, а с другой – процесс отлива колхозного населения в город, в промышленность... Сокращение численности колхозников происходило по разным причинам, многие из которых действовали и в довоенные годы. Это, прежде всего, потребность в рабочей силе социалистической промышленности и других отраслей народного хозяйства. Эта потребность была так высока, что не покрывалась стихийным отливом сельского населения... Сельское население являлось также источником пополнения высших и средних учебных заведений, ремесленных училищ, школ ФЗО и других форм системы профтехобразования... Можно назвать и другие причины миграции сельского населения. Среди них на первом месте причины экономического характера: слабая материальная заинтересованность колхозников, низкая оплата трудодня, тяжелые условия труда и быта».⁷⁰

Посмотрим на ситуацию, которая сложилась в послевоенные годы в колхозах Ленского района.

В деревню возвращались с войны мужчины. Вернулись не все. «Много хороших людей не вернулись в Чушево, пожертвовав собой, – вспоминал житель этой небольшой деревни, когда-то стоявшей на берегу Яреньги Ю.А. Суранов, – не вернулись самые здоровые, образованные, отличные труженики Паша и Тоня Таракановы, Миша и Коля Сурановы, Боря Суранов, Алёша и Миша Таракановы. Известно, почтальону каждый раз тяжело нести похоронку в дом, особенно если она не первая. Не в силах была письмоноска вручить похоронку на Мишу Тараканова: в семье уже умерли мать и дед, осталось шестеро детей мал-мала меньше...».⁷¹ «47 человек проводил колхоз «Первое мая», который объединял деревни Пустошь и Конец-Озерье, на фронт, – рассказывала Р.А. Гобанова, – а вернулись домой только 27 человек. Только в семье председателя колхоза А.М. Пиминова погибло два сына. Почти в каждой семье недосчитались кормильца: отца или сына».⁷² Троих сыновей не дождалась с войны Мария Александровна Субботина из Суходола, четверо братьев Ждановых – Георгий, Михаил, Василий и Константин – погибли на разных фронтах войны.